

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ВСЕСОЮЗНОЕ БОТАНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

БОТАНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ XLVII

8

АВГУСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1962

ЛЕНИНГРАД

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К. Г. Малютин. Материалы по высшим растениям Челябинской области. Челябинское книжное издательство, 1961: 1—382, с илл. и 1 картой. Тираж 1000 экз.

Рецензируемая книга выпущена Челябинским книжным издательством по заказу Уральского научно-исследовательского института Академии коммунального хозяйства им. К. Д. Памфилова и Челябинского отделения Всероссийского общества содействия охране природы и озеленению населенных мест. Она состоит из следующих разделов: 1) введение; 2) список классов, семейств, родов, которыми представлена флора Челябинской области; 3) распространение растений по Челябинской области; 4) ассортимент древесных и кустарниковых пород; 5) краткая характеристика хвойно-шишконосных(?)¹ растений; 6) о некоторых дополнительных признаках отличия наших двух елей; 7) к вопросу геоботанического районирования Челябинской области; 8) к карте геоботанического районирования Челябинской области и 9) список литературы. Во введении автор заявляет, что «подобных сводок, насколько известно, по другим областям в литературе не имеется».

Список растений Челябинской области дан Малютиным в алфавитном порядке латинских названий. Читатель в нем не находит упоминаний о хвойных деревьях и кустарниках. Причины исключения этих растений из общего списка не указаны. То, что автор рассматривает эти растения в другом разделе книги, конечно, не оправдывает их исключения из общего каталога растений области. Для подавляющего большинства аборигенных растений в перечне даны только их названия (латинские и русские); никаких сведений об их распространении и условиях обитания не приводится. Лишь для немногих местных дикорастущих растений приведены отрывочные случайные, то краткие, то более пространственные данные, касающиеся их распространения и экологии, причем в большинстве случаев совершенно не ясно, почему внимание автора остановилось именно на этих, а не на других видах. Исключение сделано лишь для иноземных лиственных деревьев и кустарников, применяемых в озеленении, — им дана довольно подробная характеристика. Таким образом, собственно флору Челябинской области этот перечень названий растений почти не характеризует. Опубликованные Малютиным как «материалы к флоре» Челябинской области, эти данные представляют собой в основе простую выборку из «Флоры СССР» и некоторых других источников названий растений, приводимых для этой части СССР; они не являются результатом оригинальных научных исследований. Кстати, «Флора СССР», положенная автором в основу указанного перечня, ни в библиографии, ни в других местах текста не упоминается.

Нетрудно убедиться в том, что автор плохо знает флору Челябинской области. В качестве самостоятельных видов (под соответствующими номерами) он приводит синонимы (например, *Aulacospermum isetense* и *A. multifidum*) и взаимоисключающие названия сборных и мелких видов (например, *Agropyrum reflexiaristatum* и *A. strigosum*, *Anemone biarmiensis* и *A. narcissiflora*). В других случаях автор, напротив, ошибочно рассматривает как синонимы названия разных форм, видовой самостоятельность которых не вызывает сомнений (например, *Cotoneaster melanocarpa* и *C. integerrima*). Без каких-либо ссылок на источники, Малютин приводит для Челябинской области каспийский лотос (*Nelumbium caspicum*) с примечанием: «Занесён. Ильмены» (стр. 90). Е. В. Дорогостайская и К. В. Горновский, занимавшиеся изучением флоры, в том числе и водной, Ильменского заповедника (см. их недавно опубликованные работы в «Трудах Ильменского заповедника», вып. 8, 1961), конечно, никакого лотоса здесь не обнаружили. Фантастическому утверждению о произрастании лотоса каспийского в Ильменах можно дать лишь одно объяснение: автор принял за лотос какое-то другое растение, быть может *Nardosmia laevigata*.

Следующий раздел книги составляет таблица, показывающая распространение отдельных растений. Растения здесь расположены по алфавиту русских названий; индексы в графах характеризуют их «встречаемость» («реликт-эндем», очень редко, изредка, часто) и «пределы распространения» (Предуралье, степь, тайга, водное, сорное, в культуре и т. п.). В графе «пределы распространения» автор смешивает

¹ Здесь и далее прифтовые выделения и замечания, заключенные в скобки в цитатах из Малютина, принадлежат авторам рецензии.

геоморфологические (например, Предуралье), зональные (степь, тайга) и экологические (водное растение) категории. Но ведь в Предуралье есть и степь, и тайга; сорные и водные растения могут встречаться как в степи, так и в тайге. Поэтому читатель на основании этой таблицы не может составить представления о подлинном распространении и экологии отдельных видов. К числу «реликтов-эндемов» отнесены почему-то бор развесистый, бубенчик лилиелистный, володушка золотистая, вороний глаз, звездчатка Вунге, колокольчик широколистный, линнея северная, реброплодник уральский, родиола розовая, царские кудри и др. Фактически же ни один из этих видов на Урале не является ни эндемиком, ни реликтом.

В рекомендуемом автором ассортименте древесных и кустарниковых пород (стр. 246—259) удивляет отнесение к кустарникам таких видов, как княжик сибирский, хмель, виноград европейский, толокнянка, солодка голая и уральская, «водяники и вороники» (эти русские названия полукустарничка *Empetrum nigrum* автор трактует как два различных вида).

Не обходит Малютин и некоторые теоретические вопросы биологии. На стр. 347 он пишет: «Физические условия могут соответствовать, а могут и не соответствовать требованиям развития растений. В последнем случае растения р а с т и р а с т у т(!), могут даже появиться у них цветы, а образования плодов не происходит». Далее автор рассуждает о том, что «при перемещении рассматриваемых древесных пород из горной в равнинную местность или из Сибири в европейскую часть СССР . . . появляется значительное количество недоразвитых побегов, стробилов, завязывается огромное количество женских шишек, но все они оказываются бесплодными и стержни их легко трогаются в рост, превращаясь в побеги». Это явление автор называет «израстанием» (стр. 301 и др.). И в качестве примера на стр. 348 он приводит фотографию: «явления израстания у ели европейской». Если внимательно рассмотреть этот рисунок, нетрудно убедиться, что здесь на самом деле изображен не побег, проросший через шишку, а гипертрофические образования на побегах, вызванные широко распространенными вредителями хвойных древесных пород — тлями из рода хермес. Видны даже летные отверстия. И на такой «базе» автор основывает свои «теоретические выводы»!

Одну из глав книги автор посвящает разграничению двух близких видов ели — европейской и сибирской. В таблице на стр. 313—314 приведены критерии, предлагавшиеся разными авторами; ряд новых критериев вводится дополнительно Малютиным. Приведем некоторые из предлагаемых «дополнительных признаков».

<i>Picea obovata</i>	<i>Picea excelsa</i>
К р о н а	
Побег под острым углом направлен вниз.	Побег под острым углом направлен вверх.
Нижняя часть кроны стелется по земле.	Нижней стелющейся кроны не имеется.
Л е с а	
Под лесным пологом возобновления не наблюдается.	Ель нормально возобновляется под пологом своих и других пород.
Елочки всходят группами. Первичные.	Елочки всходят одиночно. Вторичные.

Ни один из этих признаков не имеет фактической основы, все они — плод фантазии автора. Совершенно непонятно ни из таблицы, ни из текста, о каких побегах идет речь и по отношению к чему они направлены под острым или тупым углом. Ботаникам и лесоводам хорошо известно, что и у ели европейской, и у ели сибирской в определенных условиях среды нижние ветви могут достигать поверхности земли. Как упоминалось выше, под «израстанием» автор, вопреки его собственным утверждениям, понимает повреждения побегов хермесом; такие повреждения свойственны обоим видам ели. Совершенно необоснованное заявление Малютина о том, что возобновления ели сибирской под собственным пологом не наблюдается, находится в противоречии с его же утверждением о первичном характере образуемых этим видом лесов. Противопоставление «первичных лесов» из сибирской ели лесам из европейской ели, которые якобы всегда являются «вторичными», вызывает недоумение у всех, кто знаком с природой этих лесов. У обоих видов ели молодые экземпляры могут появляться и одиночно, и группами, в зависимости от того, как опадут семена и какую среду найдут для себя всходы на том или ином участке. Характерными признаками сибирской ели, отличающими ее от европейской, по мнению Малютина, является также то, что она «не склонна

к дуплению», крона у нее «имеет форму несправильного конуса» и «смыкается на поверхности почвы», что «веточки возникают из почек» и их отмирания «в нижней части кроны не наблюдается», что в шишках отсутствуют «бесплодные чешуи» (?) и что дерево плодоносит «всей кроной». Ель европейская, оказывается, «склонна к дуплению»; не имеет «нижней (?) стелющейся кроны», которая смыкается на высоте от 1.5 (Киров) до 20 м (Светлогорск), и имеет форму правильного конуса; «дерево изобилует бесплодной репродуктивной мелочью» (?), особенно в нижней части кроны, а зрелые шишки «в течение суток. . . дают очень густой настой дубильных веществ». Такие «дополнительные критерии» не могут помочь в распознавании видов ели, они только запутывают и вводят в заблуждение читателя.

Говоря об образовании елью стланцевой формы у верхнего предела леса в горах, Малютин утверждает, что «стланцем многолетнее растение решает одну из труднейших экологических задач — получение и сохранение первой капли влаги на бесплодном и безводном рухляке» (это на верхней границе леса, где влажность почвы и воздуха всегда высока!). «Именно в этом ее огромная положительная роль в горной местности (чья роль? капли или стланиковой формы?)» (стр. 265). Кедр сибирский Малютин считает третьим (после ели и пихты) постоянным элементом горной тайги области. Поскольку на Южном Урале кедр почти нет, автор заявляет, что «отсутствие его среди наших темнохвойных лесов бесспорно есть вторичное явление, связанное с деятельностью человека». И дальше идет цепь бездоказательных и произвольных умозаключений, с помощью которых Малютин пытается обосновать свое предположение, выдаваемое за бесспорную истину. Он утверждает, что «по мере освоения Урала первым истреблялся именно кедр», что «у наших дальних предков основным источником существования были лесные сокровища», а среди них кедр, так как это плодовое дерево «без особых усилий давало дешевую и хорошую пищу» (стр. 275). В те далекие времена, когда племена андроновской культуры начали осваивать «южные, более теплые районы» Зауралья и двигаться на север (стр. 337—338), по Малютину, «путь. . . скотоводческим (?) табунам прокладывался огнем и топором». Утверждается, что «кочевое скотоводство на Урале было невысказано без лесного промысла» и «какое-то количество людей занималось кедрованием», причем в это время человек еще не изобрел «колотушку, этот примитивный из примитивных способ добывания кедровой шишки. . .». Но, оказывается, в это время человек уже знал топор, с помощью которого «вековые кедровые ложились к ногам человека» (стр. 275) и «добывал орех со срубленных деревьев или проще с кедрочей, охваченных огнем, когда шишки сваливаются в силу подгорания веточек кедров» (стр. 338). Вот таким удивительным путем «кедр постепенно исчез не только из Зауралья, но и из всей тайги Южного Урала» (стр. 338). Кедр Малютин считает более газо- и пылеустойчивым по сравнению с сосной, что он объясняет наличием у этой породы не 2, а 5 хвоинок в пучке. Поэтому у кедров «почки как бы спрятаны под мощным покровом мягкой и хвостистой (?) зелени», что предохраняет их от «ш л е в а т ы х ч а с т и ц в о з д у х а» (стр. 284). В подобном же стиле описаны Малютиним и остальные древесные породы Челябинской области, причем он безапелляционно, но необоснованно дает производству рекомендации о введении их в культуру и в озеленительные посадки.

Уникальные и самые неожиданные обобщения содержатся в заключительной главе книги, посвященной вопросам геоботанического районирования Челябинской области. Как известно, восточное подножье Южного Урала в Челябинской области окаймлено полосой с большим количеством озер тектонического происхождения (Ильменская, Каслинская и Синарско-Багарякская группы озер). На островах, встречающихся среди озер, пласты кристаллических горных пород иногда расположены под крутыми углами наклона к горизонту. Малютин утверждает, что такие наклонные пласты «ориентированы навстречу господствующим ветрам и волноприбою». И в качестве примера приводит оз. Аракуль, где «пласт горной породы запрокинут. . . в направлении волноприбоя» (стр. 335). Однако и этого ему мало. Сопоставляя свое наблюдение с фактом несимметричного строения Южного Урала на поперечном профиле (более крутой восточный макросклон и пологий — западный), Малютин утверждает, что оба явления обязаны действию одних и тех же причин, вызвавших «формирование на пути господствующих влажных западных ветров „каменного пояса“ Урала, запрокинутого своими вершинами в сторону „воздушного прибоя“, богатого осадками» (стр. 335). Научный уровень географических познаний Малютина в этой его очередной фантастической «гипотезе», связывающей древние горообразовательные процессы с циркуляцией воздушных масс современного периода, выявляется с полной отчетливостью.

Чрезвычайно путано, во многих случаях вопреки имеющимся данным, излагается история растительности Челябинской области. Характеризуя растительность послеледникового времени, автор пишет: «В Зауралье формируется лесостепь со значительным участием липы» (стр. 337). Между тем не имеется никаких палеоботанических или ботанико-географических данных, говорящих о значительном участии липы в зауральской лесостепи. Далее, продолжая рассуждать о растительности послеледникового времени, автор на той же странице категорически заявляет: «Степей в это время также еще не было». Спрашивается, когда же появился на Урале этот самобытный и достаточно древний тип растительности?

Приложенная к книге карта растительности невыразительна и однообразна по расцветке, на ней совершенно не использованы возможности масштаба (1 : 1 000 000).

контуры большинства выделов чрезвычайно велики, поэтому крайне трудно уловить закономерности в распределении растительного покрова в связи с рельефом. Сельскохозяйственные земли почему-то показаны только в горно-лесной полосе вблизи городов Нязепетровска и Верхнего Уфалея, где сельское хозяйство слабо развито. Пространства же лесостепной и степной зон с их огромными площадями пашен, пастбищ и других сельскохозяйственных угодий закрашены цветом целинных лугов и степей. Для показа растительности горно-лесной зоны, весьма разнообразной по составу преобладающих древесных пород, использовано 6 близких оттенков зеленого цвета, границы многих контуров точно совпадают с границами геоботанических районов, выделяемых Малютиным на особой картосхеме в масштабе 1 : 2 500 000. В лучшем случае карту растительности Малютина можно рассматривать всего лишь как ту же картосхему геоботанического районирования, лишь имеющую другой масштаб. Научной ценности она не имеет, так как не прибавляет ничего нового и достоверного к данным, показанным на «Геоботанической карте СССР» в масштабе 1 : 4 000 000.

Автор плохо знает научную терминологию, неумело ею пользуется и допускает грубые ошибки. Так, на стр. 283, характеризуя кедр сибирский и сосну, он пишет: «моноподального, осевого, свечеобразного роста, как у ели и пихты, рассматриваемые породы не имеют». Между тем хорошо известно, что этим породам свойственно именно моноподиальное ветвление. На стр. 264, говоря о ели, автор утверждает: «Естественным следствием верхушечного положения почек является ее вечнозеленость». Уму непостижима эта «открытая» Малютиным связь: у ели далеко не все почки являются верхушечными; лиственница, как и ель, наряду с боковыми, имеет и верхушечные почки, а листва ее опадает на зиму. «Сосна и кедр, — пишет Малютин, — имеют дружный шишкопад . . . только в неустойчивых элементах рельефа и среды» (стр. 283). Между тем хорошо известно, что дружного опадения шишек у сосен не бывает; у кедра же шишки до их опадения обычно снимаются с дерева кедровкой и грызунами (белка, бурундук). Неудачен часто используемый автором термин «хвойно-шишконосные» растения.

Стилистически книга крайне слаба, она содержит много неряшливых фраз, неудачных, а подчас и просто безграмотных оборотов. Вот несколько примеров: «Первое прочее уходил из нашей местности именно дуб» (стр. 120). «Лес шишкониосит главным образом своими опушками» (стр. 289—290). «Лиственница способна до предела обнажать свой ствол зимой» (стр. 299). Березу бородавчатую автор характеризует как «ландшафтное и песенное (!) дерево Зауралья» (стр. 249). Употребляет он не только такие выражения как «шишкопад», но и «стеблепад» (стр. 299) и «солнцевход» (стр. 154). Очень много в книге невыправленных опечаток и ошибок, особенно в латинских названиях растений.

Автор во многих местах текста без стеснения старается выдвинуть на передний план свою собственную персону. В подписях к фотоснимкам (стр. 21, 278, 283), а также в других местах он навязчиво повторяет, что работы по посадке деревьев производились под его руководством. Малютин пространно описывает перевоз (также под его руководством!) на грузовом автомобиле 80 саженцев кедра из Златоустовского питомника в Челябинск (стр. 279—280). Если бы автор действительно имел заслуги в озеленении Челябинска, ему едва ли потребовалось бы с такой настойчивостью убеждать в этом читателей книги.

Как видно, Малютин в своей книге крайне грубо и небрежно соединяет воедино разнородный и разнокачественный, не всегда логически связанный материал. В этой работе есть немало прямых заимствований из литературных и рукописных данных (во многих случаях эти заимствования искажены и изложены с ошибками), результатов примитивных, поверхностных наблюдений, попытки сделать теоретические выводы на скудной и шаткой фактической основе. Читатель убеждается в низкой квалификации автора, незнании им ряда элементарных положений ботаники. Это сочетается с неприкрытой саморекламой. Рассматриваемая книга наносит ущерб науке и вредна для практики. Появление ее в свет свидетельствует, что еще недостаточен общественный контроль за качеством научной литературы, плохо поставлено предварительное обсуждение и рецензирование рукописей ботанических работ. Выпуск рецензируемой книги не оказывает чести учреждениям и организациям, поставившим свой гриф на ее титульном листе. Остается только радоваться тому, что, как заявляет автор, таких «сводок» нет по другим областям!

П. Л. Горчаковский и Б. П. Колесников.